

А. В. Зиновьев

ОБЗОР ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ РАСКОПА РОГАТИЦКИЙ-II 2014 Г. (УЛ. Б. МОСКОВСКАЯ, 30)

Подавляющее большинство обзоров костного материала из раскопок средневековых городов России и прилежащих западноевропейских стран дает сходный ряд животных по числу встречаемости их костей. Великий Новгород не является исключением¹. Первое место держат кости крупного рогатого скота (КРС), на втором месте – кости свиньи, на третьем – мелкий рогатый скот (МРС), на четвертом – лошадь, затем следуют птицы, собаки и кошки и прочие животные. В редких случаях, когда раскоп захватывает небольшой участок, эта последовательность может нарушаться в силу ряда причин. Не вдаваясь в анализ этих причин, хотим познакомить читателя с подобным раскопом.

Материал и методика

В анализе использовано 827, определенных до вида костей, полученных в 2014 г. из раскопа Рогатицкий-II, расположенного на Торговой стороне (ул. Б. Московская, 30) (рис. 1). Раскопки проводились под руководством научного сотрудника отдела охранных раскопок Института археологии РАН, к. и. н. О. М. Олейникова². Исключительная полнота и сохранность материала позволила свести число неопределенных фрагментов до минимума – 32 штуки. Повидовое (за исключением птиц и рыб) в порядке убывания распределение костей из слоев XI–XVIII вв. приведено в табл. 1.

Таблица 1. Повидовое распределение фрагментов костей животных и минимальное количество особей из раскопа Рогатицкий-II

Вид или категория	КРС	Собака	Свинья	Птицы	Кошка	Овца	Рыбы	Лошадь	Коза	Хорь	Беляк	Куница	Амфибии
Число фрагментов	266	134	131	98	86	32	40	21	19	5	5	3	1
Минимальное количество особей	199	59	120	61	43	28	35	18	19	2	5	1	1

¹ Молтби М., Гамильтон-Даер Ш. Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе // НиНЗ. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 129–157; Maltby M., Hamilton-Dyer S. Animal bone studies in Novgorod and its hinterlands // The archaeology of a medieval Russian city and its hinterland. London: British Museum Occasional Paper, 2001. V. 141. P. 119–126; Зиновьев А. В. Обзор археозоологического материала, полученного из раскопа «Десятинный-1» в Великом Новгороде в 2008 году // НиНЗ. Вып. 23. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2009. С. 189–207; Zinoviev A.V. From Pike to Sus: a summary of the zooarchaeological evidence from Desyatiny-1 Site (Lyudin Konets, Novgorod, X–XVI cent.) // Animals and archaeology in Northern Medieval Russia: Zooarchaeological studies in Novgorod and its region. Oxford: Oxbow Books (The Archaeology of Medieval Novgorod Series), 2015. In print.

² Выражаю благодарность руководителю раскопок О. М. Олейникову за предоставленный для исследования материал.

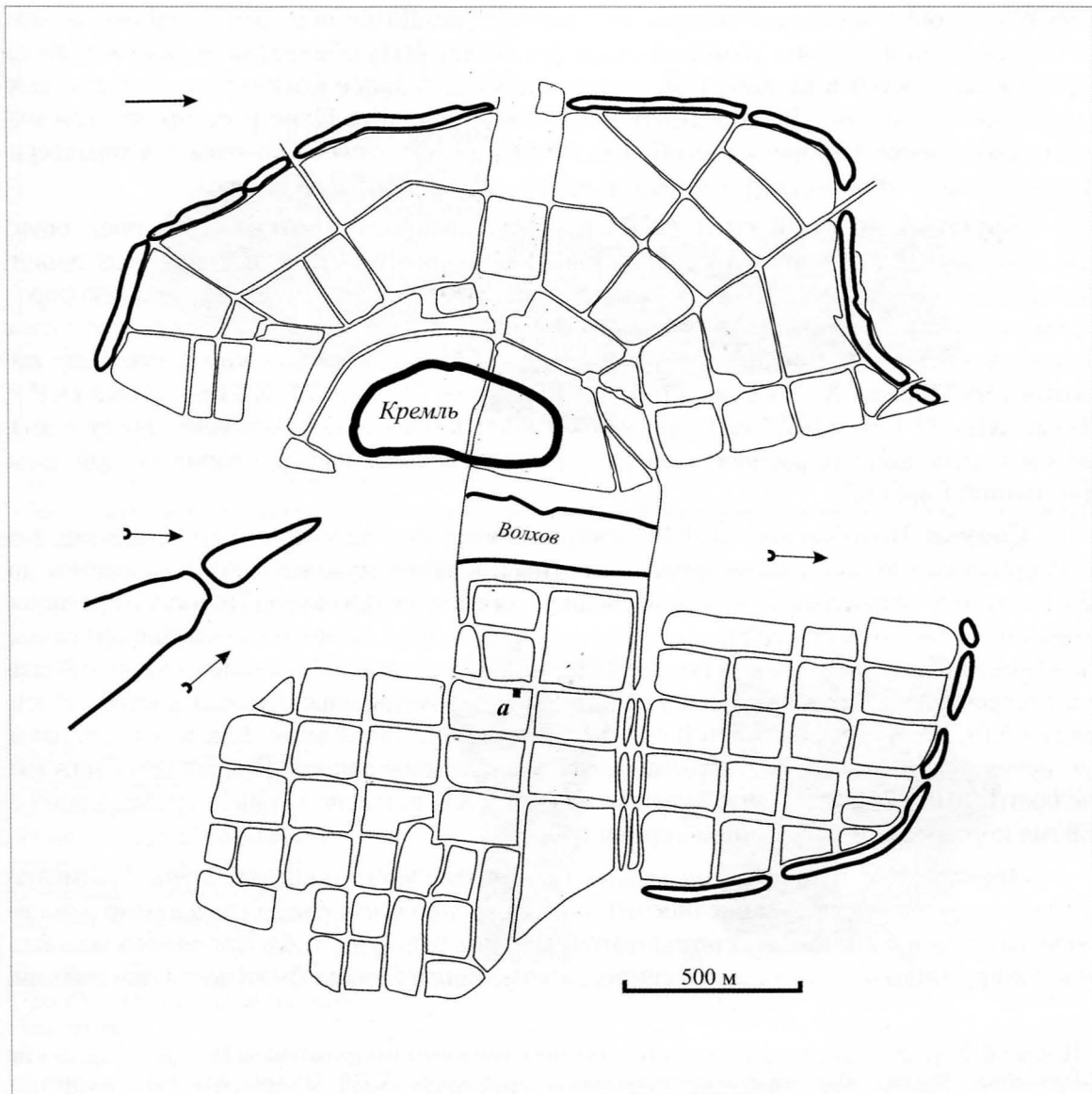

Рис. 1. Положение Большого Московского-30 раскопа (а) на схеме средневекового Новгорода

Определение костей, а также оценка возраста и габитуса животных проводились по стандартным методикам, неоднократно изложенным нами ранее ³.

Результаты и обсуждение

Несмотря на 700-летний промежуток, за который был накоплен исследуемый костный материал, его совокупный вид заставляет пристально присмотреться к слоям отдельных веков. Дело в том, что за «традиционным» в списке крупным рогатым скотом (КРС) следует собака, «потеснившая» свинью, хотя расчет минимального ко-

³ Зиновьев А. В. Обзор археозоологического материала, полученного из раскопа «Десятинный-1». С. 189–190; Он же. Птицы средневекового Новгорода Великого (X–XIV вв.): фаунистический состав и хозяйственное значение // НиНЗ. Вып. 25. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2011. С. 280–281; Zinoviev A. V. Study of the medieval dogs from Novgorod, Russia (X–XIV century) // International Journal of Osteoarchaeology, 2012. V. 22. No. 2. P. 146–149.

личества особей несколько выправляет положение. Далее порядок нарушают птицы и кошки. Если в случае с птицами ситуация может быть объяснена великолепной сохранностью костей в раскопе (см. ниже), то внушительное количество костей кошек привлекает внимание. Все предыдущие раскопы Великого Новгорода приносили значительно меньший процент костей этих домашних животных. Обратимся к характеристике, каждых из упомянутых в табл. 1, видов или категорий животных.

Крупный рогатый скот (КРС). Кости крупного рогатого скота представлены кухонными останками, несущими следы разделки туш. Кости некрупных животных разных возрастов со средним размером в холке 103,5 см были доступны некоторое время собакам, погрызы которых многочисленны на эпифизарных частях трубчатых костей конечностей. Средний рост КРС из раскопа оказался близким к таковому животных из Москвы X–XVII вв. (106,5 см)⁴, Старой Рязани XI–XIII вв. (108,5 см)⁵ и Твери XII–XVI вв. (107,4 см)⁶. Подобный рост, в общем, соответствует росту в холке животных, широко распространенных в средневековье на территории лесной зоны Восточной Европы⁷.

Свинья. Подобно костям КРС, свиньи представлены кухонными остатками. Кости принадлежат двум категориям животных: особям мужского пола возрастом до 2,5 лет и более взрослым животным, среди которых нередки самки. Подобная ситуация хорошо согласуется со средним возрастом забоя свиней на мясо с сохранением самок для более продолжительного срока принесения приплодов⁸. Ни одной кости дикой свиньи встречено не было, несмотря на тщательные промеры определяемых костей⁹. Как и кости КРС, большинство костей свиньи было доступно собакам. Как и ранее¹⁰, нами регистрировались аномалии в развитии зубной системы свиней. Правая ветвь нижней челюсти самца 2–2,5-летнего возраста из слоев XII в. имела первый предкоренной с двумя коронками и смещенным корнем (*рис. 2*).

Лошадь. Кости лошадей на раскопе немногочисленны и представлены фрагментами позвоночного столба и конечностей. Кости нередко несут следы разделки, что свидетельствует об утилитарном использовании конских туш (*рис. 3: А*). Кроме того, подобно костям крупного рогатого скота и свиней, кости лошадей также были доступны собакам.

⁴ Цалкин В. И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии СССР. Материалы и исследования по археологии Москвы. М.: Наука, 1971. Т. IV. № 167. С. 172.

⁵ Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Старой Рязани: По материалам раскопок 1946–1950 гг. // Старая Рязань. МИА СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 208.

⁶ Зиновьев А. В. Обзор конституционных особенностей крупного рогатого скота и лошадей из средневековых слоев Твери // Тверской археологический сборник. Тверь: Твер. гос. объедин. музей, 2015. Т. 10. В печати.

⁷ Цалкин В. И. Фауна из раскопок в Гродно // МИА Т. III // Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 216; Он же. Домашние и дикие животные... С. 208; Он же. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси (по данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной зоны европейской части СССР). МИА СССР. Т. 51. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 47; Он же. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы. С. 172.

⁸ Волкопялов Б. П. Свиноводство. Л.: Колос, 1968. С. 25.

⁹ Зиновьев А. В. К проблеме идентификации костных остатков кабана (*Sus scrofa*) из средневековых слоев Новгорода Великого // НиНЗ. Вып. 26. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2012. С. 309–310.

¹⁰ Zinoviev A. V. A supernumerary permanent mandibular premolar of wild boar (*Sus scrofa* L.) from the early medieval Novgorod, Russia // International Journal of Osteoarchaeology, 2010. V. 20. No. 5. P. 586–590.

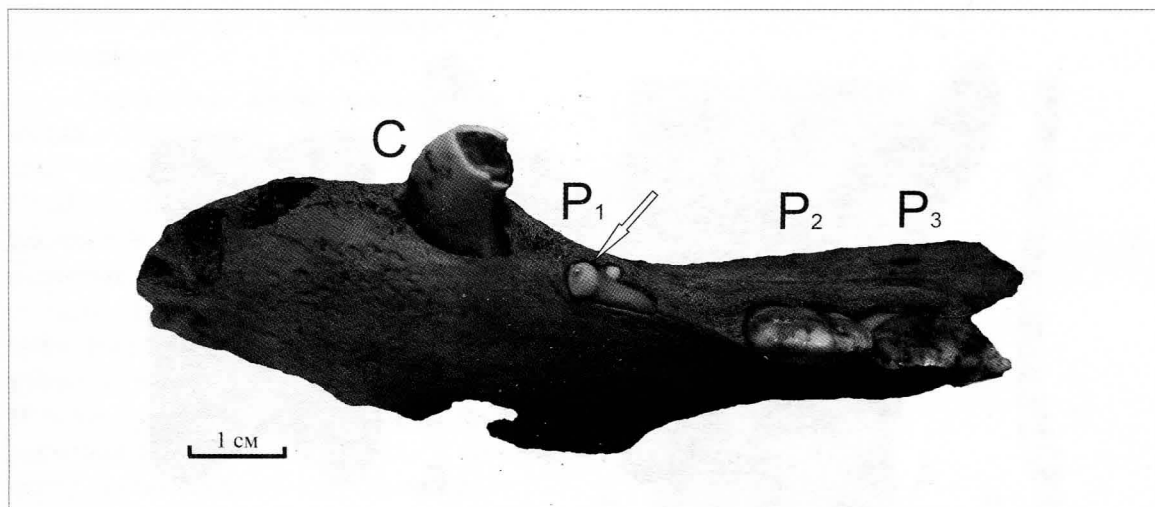
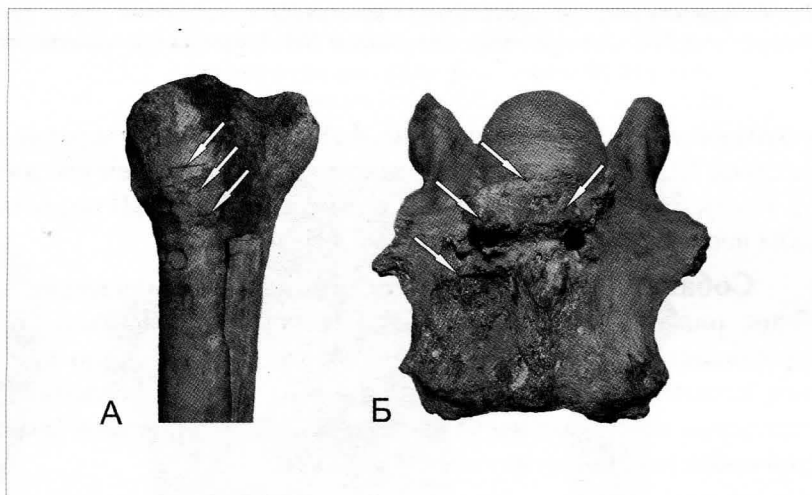

Рис. 2. Аномальный P1dex (стрелка) на фрагменте нижней челюсти самца свиньи (вид сверху) из слоев XII в.

Рис. 3. Проксимальный конец правой лучевой кости взрослой лошади из слоев XIII в. со следами рубки (показаны стрелками), каудально (А) и 6 шейный позвонок лошади из слоев XIII в. с возрастными изменениями (показаны стрелками), вентрально (Б). Позвонок для наглядности увеличен

Возраст животных, от которых сохранились зубы, оказался «почтенным» и близким к 20 годам. Ряд костей посткраниального скелета также несет следы возрастных изменений (рис. 3: Б). Сохранившиеся целиком две пястные и одна плюсневая кость позволили определить рост в холке и «ногость» трех лошадей. Плюсневая кость из слоев XII в. принадлежала взрослой среднего роста средненогой лошади около 136 см в холке; пястная кость из слоев XIII в. принадлежала малорослому тонконогому коню около 130 см в холке. И, наконец, слой XIV в. включал в себя кость крупного средненого животного с ростом в холке около 160 см. И если малорослые и средние полутонконогие и средненогие лошади были широко распространены в городах средневековой Руси, то останки крупной лошади в слоях XIV в. представляются редкими¹¹.

Мелкий рогатый скот (МРС). Мелкий рогатый скот, козы и овцы, традиционно занимают значительную часть остеологического ансамбля. Сохранность материалов в большинстве случаев позволила разделить традиционно группируемых вместе коз и овец. На исследованном раскопе преобладают кости овцы, причем как кости овцы, так

¹¹ Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Старой Рязани. С. 208.

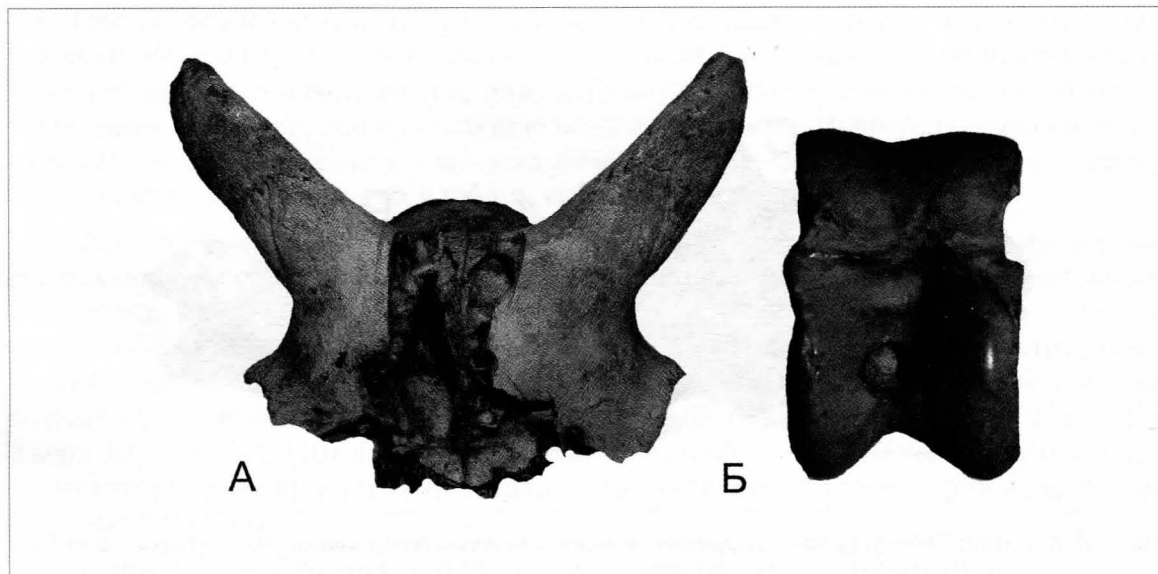

Рис. 4. Фрагмент черепа взрослой овцы из слоев XII в. со следами рубки, фронтально (А) и левый астрагал козы из слоев XIII в. со сверленным отверстием (Б). Астрагал для наглядности увеличен

и козы несут следы разделки (рис. 4: А). Сверленное отверстие на левом козьем астрагале из слоев XIII в., возможно, связано с использованием его для игры (в бабки?) (рис. 4: Б). Кости овцы и козы преобладают в слоях XII–XIII вв., однако встречаемость костей козы несколько смещена в сторону XIV в.

Собака. Кости принадлежат небольшому количеству особей возрастом до 1,5 до 10 лет, ряд трупов которых был доступен для собратьев. Животные относятся к т. н. «дворовым» формам со средней высотой в холке около 42 см и мезоцефальным черепом, стихийно формирующимся в человеческих поселениях (см. дискуссию¹²). Кости некоторых животных несут следы заживших переломов (рис. 5: А, Б). Большинство костей собак извлечено из слоев XI–XIV вв.

Кошка. Необычным для раскопа является большое количество костей кошек, подавляющее большинство которых было извлечено из слоев XI–XIII вв. В отличие от собак, костные останки большинства кошек принадлежат очень молодым животным, возрастом до 1,5 лет, что хорошо согласуется с выводами по Троицкому и Десятинному раскопам¹³. Ряд трупов кошек был доступен собакам (рис. 6: А). Некоторые тушки были разделаны человеком (рис. 6: Б), о чем свидетельствуют, например, прирезы, возникшие на бедренной кости из слоев XII в. при отделении правой задней конечности от тела (рис. 6: В). Документальные свидетельства указывают, что кошки, наряду с собаками, употреблялись в пищу во время голода в XIII в.¹⁴ Морфологические особенности кошек из раскопа, а также прежде найденных на территории Великого Новгорода пла-

¹² Zinoviev A. V. Study of the medieval dogs from Novgorod, Russia (X–XIV century) // International Journal of Osteoarchaeology, 2012. V. 22. № 2. P. 145–157.

¹³ Maltby M. From Alces to Zander: a summary of the zooarchaeological evidence from Novgorod, Gorodishche and Minino // The Archaeology of Medieval Novgorod in its Wider Context. Oxford: Oxbow Books (The Archaeology of Medieval Novgorod Series). In print; Zinoviev A.V. From Pike to Sus: a summary of the zooarchaeological evidence from Desyatiny-1 Site. In print.

¹⁴ Riha T. Readings in Russian civilization: Russia before Peter the Great 900–1700. Chicago: Univ. Chicago Press, 1970. V. 1. 266 p.

нируется обсудить в специальной публикации¹⁵.

Охотничьи виды млекопитающих. Небольшое количество костей принадлежит беляку (*Lepus timidus*), обычному которой и в настоящее время распространен в лесистых областях Новгородской области. Из пушных зверей встречаются кости черного хоря (*Mustela putorius*) и куницы (*Martes martes*). И если кости куницы известны из раскопов Великого Новгорода¹⁶, то кости черного хоря были обнаружены только в Минино¹⁷. Найденный в слоях XIII в. почти полный череп не несет травм и следов снятия шкурки

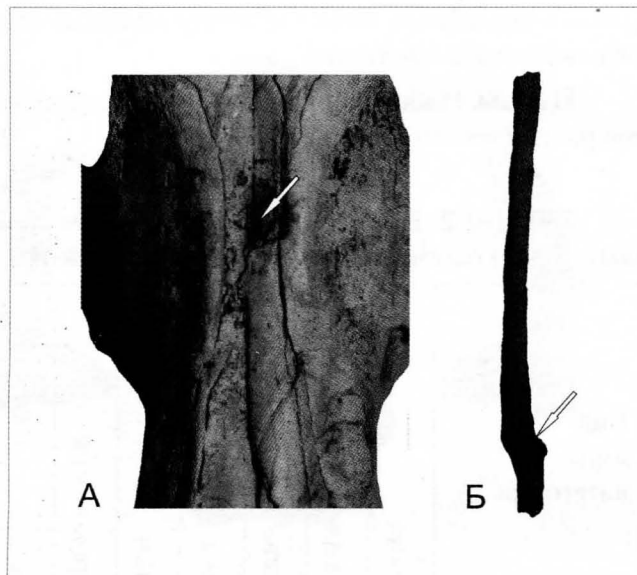

Рис. 5. Фрагмент черепа кобеля 6-8-летнего возраста из слоев XIV в. с зажившим, вдавленным переломом носовых костей (стрелка) (А) и фрагмент собачьего ребра с зажившим переломом из слоев XII в. (Б). Не в масштабе

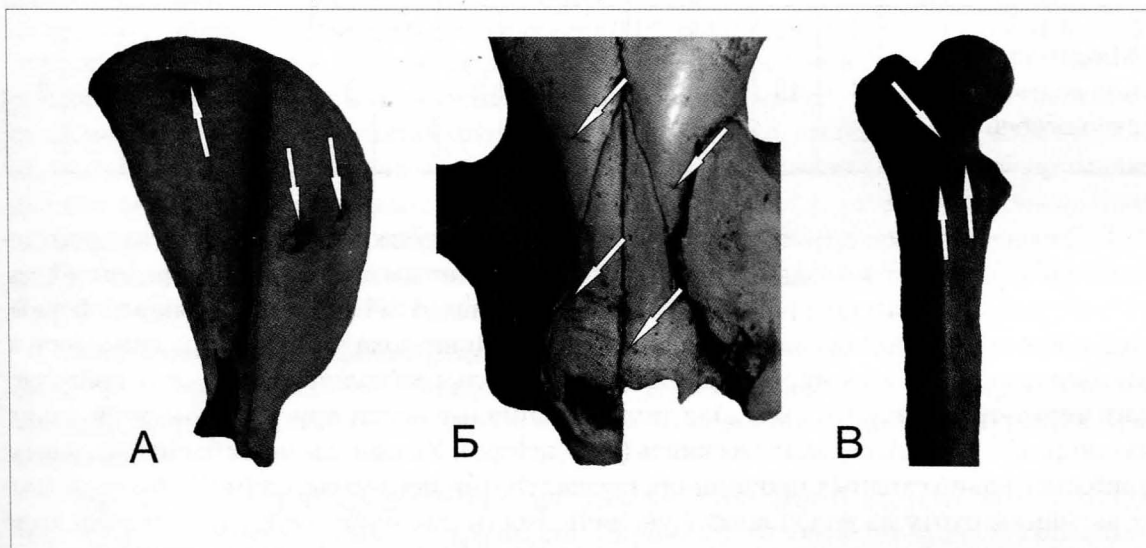

Рис. 6. Правая лопатка кошки из слоев XII в. со следами собачьих зубов (стрелки), латерально (А), фрагмент черепа кошки 2-3-летнего возраста из слоев XIII в. с прирезами на лобных и носовых костях (стрелки), фронтально (Б) и проксимальный конец правой бедренной кости кошки 1-1,5-летнего возраста из слоев XII в. со следами отделения от таза (стрелки), медиально (В)

¹⁵ Zinoviev A. V. Study of the medieval cats from Novgorod, Russia // International Journal of Osteoarchaeology. In prep.

¹⁶ Maltby M. The exploitation of animals in towns in the medieval Baltic trading network: a case study from Novgorod // Археология Балтийского региона. М.-СПб.: ИА РАН, Нестор-История, 2013. С. 216; Зиновьев А. В. Охотничьи виды млекопитающих средневекового Новгорода Великого (по археозоологическим данным) // Вестник Тверского государственного университета. Серия биология и экология, 2014. Т. 4. С. 88.

¹⁷ Maltby M. The exploitation of animals in towns in the medieval Baltic trading network . С. 216.

(рис. 7). Возможно, зверек обитал или временно держался в черте города и погиб здесь по каким-либо причинам.

Птицы. Набор и видовой состав птичьих костей может косвенно указать на характер раскопанного места (табл. 2).

Таблица 2. Повидовое распределение фрагментов костей птиц и минимальное количество особей из раскопа Рогатицкий-II

Вид или категория	Курица	Глухарь	Кряква	Чирки	Связь	Широконоска	Гусь	Другие утиные	Сапсан	Ястреб-тетеревятник	Ястреб-перепелятник	Филин	Голубь	Ворон	Ворона серая
Число фрагментов	70	3	53	20	1	1	8	2	4	4	3	1	3	4	2
Минимальное количество особей	61	3	45	15	1	1	7	2	1	3	3	1	3	3	2

Это не касается кур, самые многочисленные остатки которых принадлежат домашним и нередко молодым особям; это почти не касается костей кряквы (*Anas platyrhynchos*), кости которой практически неотличимы от костей домашней формы. Они обычно преобладают на раскопах Великого Новгорода¹⁸. На раскопе встречаются многочисленные кости чирков (по-видимому, большее количество костей принадлежит чирку-трескунку (*A. crecca*), а также единичные кости других диких уток, таких как широконоска (*A. clupeata*) и связь (*A. penelope*). Указанные виды были отмечены в приблизительно сходных пропорциях предыдущими исследователями¹⁹, что показывает активную охоту на водоплавающую дичь. Кости домашнего гуся практически неотличимы от костей его дикого собрата, серого гуся (*Anser anser*), поэтому разделения не проводилось. Их небольшое количество в сравнении с костями кур и уток также хорошо согласуется с полученными ранее данными для средневекового Новгорода²⁰. Интересна находка костей трех особей глухаря (*Tetrao urogallus*), охотничьей птицы, также известной из раскопок на территории Великого Новгорода²¹. Он, наряду с дикими ути-

¹⁸ Hamilton-Dyer S. The bird resources of medieval Novgorod, Russia // Acta Zoologica Cracoviensia, 2002. V. 45. Special Issue. P. 99–107; Зиновьев А.В. Птицы средневекового Новгорода Великого (X–XIV вв.) С. 277–287.

¹⁹ Hamilton-Dyer S. The bird resources of medieval Novgorod. С. 101–102.

²⁰ Hamilton-Dyer S. Там же. С. 102; Зиновьев А.В. Птицы средневекового Новгорода Великого (X–XIV вв.). С. 282.

²¹ Hamilton-Dyer S. The bird resources of medieval Novgorod, Russia. С. 102.

ными, а также сизым голубем (*Columba livia*), воронем (*Corvus corax*) и серой вороной (*C. cornix*) мог служить объектом охоты, на-taskивания и кормления охотничьих птиц. На раскопе в слое XII в. найдены кости левого крыла и бедра крупного сокола сапсана (*Falco peregrinus*) (рис. 8:А), ранее не отмечавшегося при раскопках в Великом Новгороде. Вместе с ястребом-тетеревятником (*Accipiter gentilis*) и ястребом-перепелятником (*A. nisus*) он мог использоваться для соколиной охоты. На это косвенно указывает также пол птиц;

все кости принадлежат самкам, которые крупнее самцов и больше ценятся при охоте с хищными птицами. Кроме того, тазовые кости одной из крякв (?) из слоя XII в. несут перфорации, сделанные, по всей вероятности, клювом ястреба (рис. 8:Б). И, наконец, останки филина (*Bubo bubo*), не селившегося в городах, могут указывать на косвенную связь места раскопа с соколиной охотой. Филин, который, видимо, содержался в неволе, судя по следам воспаления на правом тибиотарзусе, известен в качестве приманки для охоты с хищными птицами²² (рис. 8:В). Почти все кости, упомянутых выше птиц, хищных птиц и их добычи найдены в слоях XI–XIII вв. Интересно, что похожий ансамбль хищных птиц и их пернатых объектов охоты найден на территории Тверского Кремля в слоях посл. четв. XIII – пер. четв. XV вв.²³

Амфибии. Кости амфибий редко сохраняются в ископаемом состоянии и еще реже выявляются при раскопках. В слое XIII в. была обнаружена кость голени (*os scuris*) молодой лягушки, размером сходной с одноименной костью травяной лягушки (*Rana temporaria*).

Рыбы. Кости рыб представлены на раскопе небольшим количеством фрагментов, принадлежавших промысловым видам. Первое место занимает судак (*Stizostedion lucioperca*), на втором месте – карповые рыбы (*Cyprinidae*) с преобладанием леща (*Abramis brama*), на третьем – щука (*Esox lucius*). Далее следуют жерех (*Aspius aspius*) и окунь (*Perca fluviatilis*). Ситуация, в целом, соответствует распределению мест среди рыб по количеству костей и на других раскопах Великого Новгорода. Интересно, что

Рис. 7. Почти полный череп черного хоря из слоев XII в.

²² Wijngaarden-Bakker L.H.v. The eagle owl, *Bubo bubo*, predator or decoy / editors. Prummel W., Zeitler J.T., Brinkhuizen D.C. Birds in Archaeology. Proceedings of the 6th Meeting of the ICAZ Bird Working Group. Groningen Institute of Archaeology. Groningen: Barkhuis, 2010. P. 153-162; Zinoviev A.V. Early falconry in Russia / Grimm O., Schmölcke U. Papers presented at a workshop organized by the Centre of Baltic and Scandinavian Archaeology. Schleswig. Neumünster: Wachholtz, 2015. In print.

²³ Ланцева М. Е. Предварительные результаты исследования остеологического материала из раскопа № 11 в Тверском Кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья, 1999. Т. 3. С. 243–244.

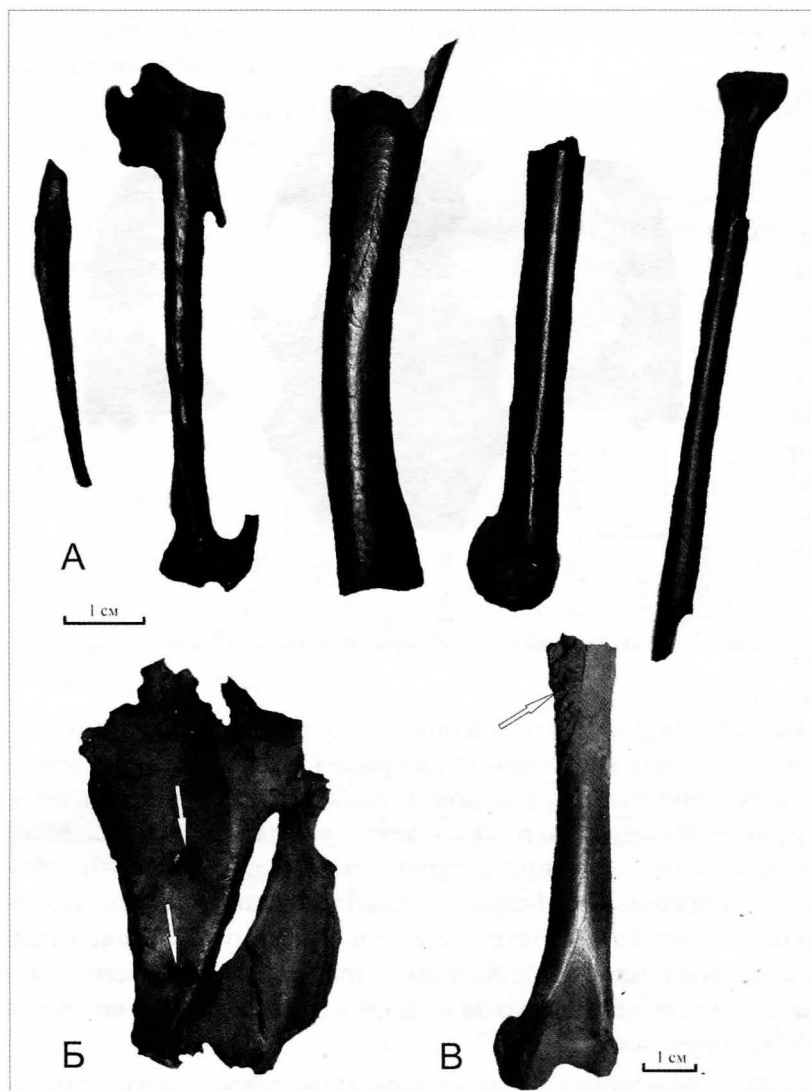

Рис. 8. Фрагменты костей левого крыла самки сапсана из слоев XII в. (А), фрагмент правой половины таза кряквы (?) из слоев XII в. со следами клюва ястреба (?) (стрелки), дорсолатерально (Б) и дистальная половина правого тиббиотарзуса самки филина из слоев XIII в. со следами воспаления (стрелка), каудально (В). Кость филина дана не в масштабе с А и Б

ращает комплекс видов, включающий хищных птиц. Скелеты самок охотничьих птиц, таких как сапсан, ястреб-тетеревятник и ястреб-перепелятник, а также их потенциальных пернатых жертв и объектов притравливания, могут служить намеком на существование в указанном месте или рядом в XI–XIII вв. предприятия, так или иначе связанного с соколиной охотой.

М. Молтби и Ш. Гамильтон-Даер²⁴ отметили на Федоровском раскопе кости рыбы семейства тресковых (Gadidae). Они предположили принадлежность их либо налиму (*Lota lota*), либо сайде (*Pollachius pollachius*). Встретившийся нам в слое XVIII в. туловищным позвонком принадлежал крупной атлантической треске (*Gadus morhua*) возрастом около 13 лет.

Заключение

В результате раскопок 2014 г. на Торговой стороне Великого Новгорода были вскрыты слои XI–XVIII вв. Раскоп Рогатицкий-II (ул. Б. Московская, 30) принес интересный ансамбль костей животных, связанный, главным образом, со слоями XI–XIII вв. Помимо типичной для Новгорода тех времен большой доли водоплавающей дичи, среди которой преобладали чирки, внимание обра-

²⁴ Молтби М., Гамильтон-Даер Ш. Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе. С. 146–147.